

фологии аналитических форм английского и туркменского глаголов. – Ташкент, 1991.

5. Бирюкович Р. М. Семантика и формы выражения способов глагольного действия // Советская тюркология. – 1980. – № 1. – С. 68-77.

6. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. – СПб., 2001.

7. Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектологии. – Л., 1989.

8. Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. – М., 1965.

9. Грамматика киргизского литературного языка. Ч. I. Фонетика и морфология. – Фрунзе, 1987.

10. Оралбаева Н. Аналитическая форма глагола современного казахского языка. – Алма-Ата, 1975.

ОДНОСЛОЖНЫЕ КОРНИ-ОСНОВЫ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

П. Е. Белоглазов

УДК 811 512 153

В статье рассматривается структура односложных корней-основ хакасского языка, первичность и исходное состояние, а также затрагивается вопрос структуры тюркских первичных корней. Исследуются фонеморфологические факторы в связи с вычленением этимологически затемненных корней, то есть случаи, когда корни осложнялись аффиксами, которые постепенно срослись с корневой морфемой.

Ключевые слова: структура слова, корневая и аффиксальная морфемы, этимология, анализ слова.

Реальность исконных односложных корней в тюркских языках не вызывает сомнений. Именно у односложных корней обнаруживается большая общность между современным и исходным состояниями. Большинство односложных корней хакасского языка обнаруживают соответствующие параллели в древних письменных памятниках, а также в других тюркских языках. Односложность исконных корней подчеркивается в работах многих исследователей современных тюркских языков. Вместе с тем односложность тюркских корней не гарантирует их этимологическую монолитность. В силу этого одним из нерешенных аспектов проблемы корня в тюркологии считается определение его структуры.

Н. А. Баскаков считает, что «фонетическая структура слова прежде всего характеризуется трёхзвучностью его корневой морфемы. Каждый корень в тюркских языках состоит из закрытого слога, состоящего из начального согласного, среднего гласного, конечного согласного, т.е. по схеме СГС. Что же касается корней, состоящих более чем из трех звуков, то последние относятся либо к словам, заимствованным из других языков, либо к словам, исторически восходящим к сложным словообразовательным формам, структура которых состоит из корневой морфемы СГС + мёртвые или непродуктив-

ные живые аффиксы словообразования» [1, с. 79].

Корни типа СГ и ГС считаются Н. А. Баскаковым результатом выпадения согласных в начальной и конечной позициях. Разработка данной концепции начинается с Н. Вамбери, который объяснял структуру корней типа ГС следующим образом: аč < čač, al < tal, äm < käm, ar < jar, aš < kaš, az < jaz, iz < kiz, ol < bol, or < bor, eŋ < keŋ, öl < böl и др. [2, с. 18]. А. Зайончковский, не исключая для долгих гласных возможность выступать в корнях типа СГ, а наоборот, допуская такую возможность, считает, что корни типа СГ определено являются в тюркских языках первичными, а СГС – вторичными.

Так, к первичным А. Зайончковский относит следующие корни: ad > adun «дивиться, изумляться», ad > adur «различать, отмечать, выбирать». Сюда же можно привлечь как фонетический вариант корня *ad в хакасском языке *ac > азыр- «разлучать», *ca > сах- «высекать огонь огнём» и др. Глагольный корень азыр- в хакасском языке означает «отцеплять; разлучать, разделять, разнимать кого-л.; лишать», далее развился в азырых (хак.) 1. 1) «ответвление, ветвь, ветка»; 2) «протока»; 2 «разветвленный».

К подобным корням А. Зайончковский присоединяет также *jo > jod «исчезать, погибнуть»; joq «нет»; ja > jaj «простирается, растилаться, распространяться»; jat «находиться

в таком состоянии, лежать»; ju > jud «грузить»; juk «клад, выюк, тягость»; juk «собирать, накапливать»; *qu > qul «делать»; *sa > sac «разбрасывать, рассеивать»; *to > tod «насыщаться, быть сытым»; «полный, целый, весь; совсем»; tol ~ tos «наполняться, наполнять, делать полным» и др. [3, с. 35]

Г. И. Рамstedт, В. Котвич и А. Н. Кононов также считают, что форма СГС возникла из Г и СГ [4, с. 29; 5, с. 30; 6, с. 113]. В. М. Юнусалиев, напротив, допускает существование в составе первичных корней всех 4 типов [7, с. 51]:

1. Г, ср.: у «сон», ö «думать»;
2. С+Г, ср.: са- «считать», жу- «грустить», сы- «ломать»;
3. Г+С, ср.: ат «конь», ал- «брат», ач- «отворить», ас- «повесить»;
4. С+Г+С, ср.: кел- «приходить», кет- «уходить», суг «вода».

В то же время он не отрицает расчленённости корней типа СГС и ГС.

Исследуя структуру корневых морфем типа СГ в киргизском языке, Б. О. Орузбаева пишет, что большинство корневых морфем структуры ГС представляет собой начальные односложные звуковые комплексы, сохранившие, с одной стороны, свою структурно-семантическую целостность, а с другой – ставшие основой образования многих нечленимых на современном этапе дву- и многосложных образований, историческая производность, вторичность которых прослеживается лишь при их рассмотрении в плане морфемно-этимологического состава [8, с. 81].

Другие тюркологи придерживаются мнения, что первичные корни существовали в виде открытого слога СГ [9, с. 17]. Между тем, многие односложные глагольные корни типа СГ сохранились в виде СГС, т. е. как исторически производные корни. Остановившись на типах структур ОКО (односложных корней-основ), А. Т. Кайдаров подчеркивает «доминирующее положение СГС среди других типов ОКО в казахском и других тюркских языках на данном этапе их развития не только по количеству, но и по степени функциональной активности и древности», в то же время он отмечает, что «этот тип ОКО испытал на себе сложный и длительный процесс агглютинативного развития тюркских языков, так что вряд ли следует относить его к изначальному, прототюркскому типу корней» [10, с. 17]. Такой тип корней оправдывается типологической особенностью тюркских языков,

его агглютинативностью, где на стыке корневой и аффиксальной морфем имели место различные фонеморфологические процессы, в связи с чем уместно говорить о стяженном или сращенном характере многих корней-основ, отмеченном еще В. В. Радловым, П. М. Мелиоранским, Б. Я. Владимирцовым, А. Н. Кононовым и др. Следовательно, в тюркских языках основа и аффикс связываются не только агглютинативно, но и фузионно. В силу этого учет фонетических явлений на стыке морфем играет важную роль при реконструкции деэтимологизированных корней.

Т. А. Бертагаев отмечал, что «многое зависит от того, какие формы сталкиваются на их стыке и не претерпевает ли какие-либо фонематические изменения основа (выпадение звуков, чередование фонем, явление сандхи и др.)» [10, с. 126]. Г. И. Рамstedт называет место, «где начальный звук окончания слова смыкается с последним звуком его основы, особо важным, так как именно здесь проявляются разного рода фонетические особенности языка» [4, с. 27]. Начальный звук окончания может уподобляться конечному звуку основы или наоборот. Таким образом, фонеморфологический фактор является одним из основных, обуславливающих появление мертвых, этимологически непрозрачных корней.

Роль фонетического фактора в деэтимологизации корней подчеркивалась и М. Томановым: «Изменение фонетического вида корней в процессе развития языка приводит к их устарению. Фонетически измененные, семантически устаревшие корки застывают в соединении с аффиксами» [11, с. 94].

Всё это показывает, что для понимания структуры слова в различных языках чрезвычайно важным является не только морфологический, но и фонеморфологический анализ.

Вместе с тем стяженный или сращенный характер многих корней-основ не меняет положение об односложности тюркского корня, хотя Г. И. Рамstedт допускал возможность существования в истории развития языков не только односложных, но и двусложных корней, поскольку имеются соответствия односложных и двусложных корней в алтайских и тюркских языках: тюрк. ал- «получать» ~ маньч. али-

Последнее обстоятельство вынуждает прежде всего допускать двусложные корни как в глаголах, так и в именах, а конечную часть многосложного слова квалифицировать в ка-

честве одного или нескольких окончаний. Первоначальная форма корня поэтому нередко оказывается под вопросом [4, с. 29]. Если Г. И. Рамстедт в своих исследованиях относит тюркские языки по сравнению с монгольско-маньчжурскими к более поздней ступени развития, то В. Котвич имеет иную точку зрения по отношению к двусложным корням в алтайских языках: «Формы более короткие были известны уже прапюркскому языку и, наоборот, формы удлиненные, монгольские представляют собой явление более позднее» [5, с. 38]. Он отмечает еще один факт в пользу первичности тюркских форм: «Наконец, следует считаться с общей тенденцией монгольского языка к удлинению слов, с этой целью к ним добавились отдельные гласные и согласные, а иногда и целые слоги» [5, с. 41].

На основе анализа исторически производных ГИ, вычлняя мёртвые корни, мы приходим к выводу, что основным типом первичных глагольных корней являются односложные структурные типы ГС и СГ. Правда, здесь следует сделать оговорку: многим корням свойственна вариативность, и возникающая в результате непостоянства согласного, ср.: «Здесь должны быть учтены, как и в других случаях, возможные фонетические изменения в ходе развития языка, как отпадение начального согласного (ср. др. ыгла-, совр. кирг. ыйла-, но узб. йыгла «плакать»), древние долготы и якутские восходящие дифтонги, ср. як. уот, туркм. оот, но кирг. и др. от «огонь» и другие фонетические явления» [7, с. 51].

Характерные для тюркских глагольных корней типы СГ и ГС в современных языках в таком виде встречаются редко, хотя материалы известного памятника «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгарского XI в. и другие позволяют выделить более десяти примеров односложных основ типа С+Г [3, с. 28]. Подобные основы, представленные ныне в виде мертвых корней, обнаруживаются и с помощью сравнительного исторического морфемного анализа по гомогенному ряду в составе исторически производных двусложных и многих односложных ГИ. Несмотря на историческую производность, последние в настоящее время считаются корнями, что объясняется постоянно действующим механизмом видоизменения корневого морфема в силу динамической природы аффиксальных морфем, которые связаны: 1) с потерей продуктивности отдельных аффиксальных морфем:

например, глагол багла- «связывать» распадается на две морфемы: баг+ла-, баг исторически состоит из корня ба- «связывать» + г - аффикс отглагольного образования имен, ср.: ög- ра +н - «обучаться», ög «разум», ö «думать» и др. 2) с фонетическими преобразованиями слова: бо + -л > ол «быть»; ба + н > мән «я» и др.

Изменение границы корня связано с тем, что «корень» – понятие историческое. В силу этого в тюркологии корень рассматривается в двух аспектах: синхронном и диахронном. Синхронное понимание корня отражено в следующем определении Н. А. Баскакова: «...корнем слова в тюркских языках называется нечленимая часть слова, в которой заключено вещественное реальное значение слова» [12, с. 113]. Г. И. Рамстедт, В. Л. Котвич, А. Зайончковский, Б. М. Юнусалиев, А. Т. Кайдаров и другие едины во взгляде о расчлененности односложных корней типа СГС, принятых Н. А. Баскаковым в качестве первичного типа. Вычлененные в историческом плане из состава основ типа СГС корневые морфемы не являются простыми сочетаниями звуков, а имели в прошлом определенное лексическое значение. Так как корень – категория историческая, величина изменяемая как семантически, так и фонетически, и морфологически, его возраст изменяется не столетиями, а тысячелетиями, поскольку во многих случаях он оказывается модифицированным, этимологически затемненным. Соответственно, в современном языке такой корень выступает в виде гипотетического элемента или мертвого корня. Поэтому формирование характерных тюркских корней типа СГС – результат фузионного объединения корня с аффиксальной морфемой, во многих случаях выражавший, как отметил А. Н. Кононов и другие ученые, залоговые отношения.

Так как основной структурной особенностью мертвого корня является его односложность, мы будем рассматривать все двусложные слова хакасского языка как производные.

Хотя отличие от разложимых односложных основ двусложные легко поддаются этимологическому анализу, это не значит, что их производность может быть легко доказана. Ср., например, следующие двусложные глагольные императивы хакасского языка, образованные по модели -ыр // -ір // -р:

АҒЫРАРҒА / аг - ыр- / I) «болеть, хворать»;

АЗЫРАРҒА / аз - ыр- / II I) «отцеплять, разъединять что-л»; 2) «разлучать, разделять,

разнимать *кого-л.*; 3) *перен.* «лишать *кого-л.*, *чего-л.*»;

ИБІРЕРГЕ / *иб - ір-* / 1) «обходить, объезжать, окружая, огибая *кого-л.*, *что-л.*»; 2) «пройти по всему пространству *чего-л.*; исходить»; 3) «окружать, брать в кольцо (*напр.*, скот)»; 4) «объезжать, побывать во многих местах, посетить многих»; 5) «вращать; вертеть *что-л.*»; 6) «выворачивать, вывёртывать наизнанку *что-л.*»; 7) «обхаживать *кого-л.*»; *разг.* «вертеться, околачиваться около *кого-л.*»; 8) *перен.* «намереть, говорить намёками»;

ИЗІРЕРГЕ / *из - ір-* / «пьянеть»;

ИКІРЕРГЕ / *ик - ір-* / «всхлипывать»;

ИЛЕРЕРГЕ / *ил - ер-* / «смутно виднеться (*вдали*); мелькать (*в темноте*)»; *разг.* «маячить»;

ИМПЕРЕРГЕ / *им - ір-* / «зазубриваться, стачиваться»;

ИРТІРЕРГЕ / *ирт - ір-* / 1) «пропускать»; 2) «проводить, проводить, прогонять *кого-л.*, *что-л.* мимо *чего-л.*, *через что-л.*»; 3) «проводить *что-л.*»; 4) «переносить *что-л.*»;

ІЗІРЕРГЕ / *із - ір-* / «напоить *кого-л.*; дать кому-л. попить»;

ІКІРЕРГЕ / *ік - ір-* / *кач.* «икаать»;

КИГІРЕРГЕ / *киг - ір-* / «фыгать, отрывивать»;

КИЗІРЕРГЕ / *киз - ір-* / 1) «переводить, перевозить *что-л.*, *кого-л.* через *что-л.*»; 2) «переправлять *кого-л.*, *что-л.*»;

КИМПЕРЕРГЕ / *ким - ір-* / 1) «грызть, плодять *что-л.*»; 2) *перен.* «постоянно придирается к кому-л., мучить, терзать»;

КИЧІРЕРГЕ / *кич - ір-* / *кач.* «перевозить, переводить через *что-л.*»;

КӨГЕРЕРГЕ / *көг - ер-* / 1) «синеть, зеленеть»; 2) «посадить синяк»; 3) «зеленеть *чём-л.*»;

КӨДІРЕРГЕ / *көд - ір-* / 1) *прям.* и *перен.* «поднимать, приподнимать *кого-л.*, *что-л.*»; 2) «повышать, поднимать, увеличивать *что-л.*»; 3) «взвешивать *кого-л.*, *что-л.*»; 4) «повышать, возвышать *кого-л.*»; 5) *в сочет.* с *сущ.* *пас разг.* «задирать голову, важничать»; 6) *в сочет.* с *араға* «не пьянеть»;

КӨЗІРЕРГЕ / *көз - ір-* / 1) «перемещать, переносить, перетаскивать *кого-л.*, *что-л.*; перевозить, переселять *кого-л.*, *что-л.*»; 2) *то же, что* «хобырарға»; 3) «эвакуировать»;

НАБЫРАРҒА / *наб - ыр-* / «притупиться (об остром предмете)»;

ОДЫРАРҒА / *од - ыр-* / 1) «садиться, принимать сидячее положение»; 2) «сидеть (*находиться в сидячем положении*)»; 3) «садиться во *что-л.*»; 4) «садиться, совершать посадку»;

5) «просидеть, пропустить *что-л.*, остаться ни с чем»; 6) «сидеть в тюрьме (*быть в заключении*)»; 7) «укорачиваться, садиться, уплотняться (о *материи после стирки*)»; 8) «сидеть, быть, находиться, пребывать (*в каком-л. состоянии, где-л.*)»; 9) «оседать, вращать в землю»; 10) *перен.* «поселяться, жить *где-л.*, оседать *где-л.*»;

ОМЫРАРҒА / *ом - ыр-* / *II разг.* «намеренно обманывать *кого-л.* (*с целью выудить, выманить что-л.*)»;

ӨТІРЕРГЕ / *өт - ір-* / *I 1* «протянуть, проехать *что-л.* через *что-л.*»; 2) «пропустить *кого-л.*, *что-л.* через узкий проход, узкое отверстие»;

ӨТІРЕРГЕ / *өт - ір-* / *II* «страдать поносом»; *разг.* «поносить»;

ПАҒЫРАРҒА / *пағ - ыр-* / *I* «пристально смотреть, уставиться, вперить взор»;

ПАҒЫРАРҒА / *пағ - ыр-* / *II 1* *уст.* «кричать, реветь»;

ПАЗЫРАРҒА / *паз - ыр-* / *I 1* «придавливать *что-л.* *чём-л.*»; 2) «подпирать *что-л.* *чём-л.*»;

ПАЗЫРАРҒА / *паз - ыр-* / *II 1* «молиться»; 2) *прям.* и *перен.* «поклоняться»; 3) «молить, умолять, просить, упрасивать»; 4) *перен.* «подавать в суд; судиться»;

ПОҒЫРАРҒА / *поғ - ыр-* / «давить, душить, задушить *кого-л.*»;

ПҮДІРЕРГЕ / *пүд - ір-* / «строить, сооружать, возводить»;

ПЫЗЫРАРҒА / *пыз - ыр-* / *I 1* «печь»; 2) «варить»; 3) «обжечь (*кипятком*)»;

ПЫҒЫРАРҒА / *пығ - ыр-* / 1) «склонять, наклонять (*туловище*)»; 2) «сгибать (*колени*)»;

САМЫРАРҒА / *сам - ыр-* / 1 «лить струёй *что-л.* (*помешивая жидкость, набирать её в ложку, поварёшку и выливать обратно*)»;

САМЫРАРҒА / *сам - ыр-* / *II безл.* «урчать (о *желудке*)»; СЕГІРЕРГЕ / *сег - ір-* / 1) «прыгать, скакать»; 2) «бежать вприпрыжку»; 2) «плясать»;

СИБІРЕРГЕ / *сиб - ір-* / *I фольк.* «делать оговорку»;

СИБІРЕРГЕ / *сиб - ір-* / *II* «делать посадку (*в соединении деталей одежды*)»;

СІБІРЕРГЕ / *сіб - ір-* / *I кач.* «мести»;

СІБІРЕРГЕ / *сіб - ір-* / *II* «опустить, спустить (*напр.*, штаны)»;

СІМЕРЕРГЕ / *сім - ер-* / «притворяются спящим, чтобы подслушать *чей-л.* разговор»;

СІМПЕРЕРГЕ / *сім - ір-* / 1) *прост.* «пить, дуть, хлестать»; 2) «хлебать»;

СОБЫРАРҒА / *соб - ыр - / 1) «смешивать что-л.»; 2) то же, что «сарғирға»; 3) «развешивать что-л.»;*

СОМЫРАРҒА / *сом - ыр - / 1) «купать младенца»; 2) «опускать младенца в купель (при крещении)».*

СӨГІРЕРҒЕ / *сөг - ір - / II этн. «закопать послед ребёнка (обычно в юрте)»;*

СӨЗІРЕРҒЕ / *сөз - ір - / 1) «тащить, тянуть, волочить кого-л., что-л земле»;* 2) «тянуть на буксире»;

СЫБЫРАРҒА / *сыб - ыр - / 1) «мести, подметать (сор, мусор)»; 2) перен. «очистить, унести, вымести (всё из дому)»;*

СЫҒЫРАРҒА / *сығ - ыр - / «свистеть, насвистывать»;*

СЫЗЫРАРҒА / *сыз - ыр - / 1) «соскабливать, выскрести что-л.»; 2) «сдирать (кору)».*

Выделив грамматический формант *-ыр / -ір*, можно увидеть, что в хакасском языке наряду с полноценными корнями ирт «проходить», іс «пить», кёк «синий, зеленый», кёс «перевозить», пас «давить», пүт «строиться», пыс «вариться» и т. д. участвуют в словообразовании такие корни, как *ағ, *аз, *иб, *из, *ким, *наб, *од и т. д., значения которых для представителя современного языка не понятны. Отличительным свойством корней первой группы является возможность самостоятельного употребления, вторую группу характеризует утрата самостоятельности, затемненность их значений в современном языке.

Если многие моносиллабические основы своей диахронической расчлененностью обязаны во многих случаях фонеморфологическим факторам, то дестимологизация некоторых двусложных глаголов увязывается с развитием агглютинации – доминирующего способа словообразования в тюркских языках, заключающегося в том, что в дальнейшем развитии языка односложные корни осложнялись аффиксами, которые постепенно срослись с корневой морфемой. По материалам памятников V–VIII вв., можно установить, что двусложные корни в них активно употреблялись наряду с односложными корнями,

Уже в енисейских памятниках, хотя и в меньшем количестве по сравнению с односложными, встречаются двусложные корни [13, с. 52 - 54]. Г. Айдаров также отмечает, что в орхонских памятниках функционируют односложные и двусложные корни [14, с. 139 - 146]. Например, производный корень итер- «толкать», неофор-

менная форма которого сохранилась в Диване М. Кашгарского, а также в современном хакасском, алтайском и якутском языках, встречается в уйгурских памятниках манихейского содержания, найденных в Турфанском крае и считающихся хронологически более древними.

Эти факты показывают, что становление двусложных корней, осложнение односложного корня завершилось ещё до того, как были созданы енисейско-орхонские памятники, но в то же время не подтверждают трактовку Г. И. Рамстедта и других тюркологов, что двусложность многих основ глагола является в тюркских языках исконной.

Отнесение этих основ к разряду непроемных носит условный характер. Следовательно, определение, согласно которому выражающая самостоятельное значение и не поддающаяся дальнейшему членению первичная значимая часть слова обычно называется корнем, также является условным, охватывающим не все корни в хакасском языке. В последнее время к названному выше критерию добавляют семантическую значимость корня.

Литература

1. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. – М., 1962.
2. Вамбери Н. Рукописное предисловие к предстоящему словарю, написанное до его выхода в свет. – Будапешт, 1877.
3. Зайончковский А. К вопросу о структуре корня в тюркских языках // Вопросы языкознания. – 1961. – №2.
4. Рамстедт Г. Введение в алтайское языкознание. – М., 1957.
5. Кович В. Л. Исследование по алтайским языкам. – М., 1962.
6. Кононов А. Н. О фузии в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. – М., 1971.
7. Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Ч. 1. Развитие корневых слов. – Фрунзе, 1959.
8. Орузбаева Б. О. О структурно-морфологических особенностях корневых морфем типа ГС в киргизском языке // Советская тюркология. 1975. № 5.
9. Кайдаров А. Т. Структура односложных корней в казахском языке. – Алма-Ата, 1986.
10. Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. – М., 1969.
11. Томанов М. Историческая грамматика казахского языка. – Алма-Ата, 1981.
12. Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. – М., 1979.
13. Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. – Фрунзе, 1959.
14. Айдаров Г. Язык орхонских памятников орхонской письменности. – Алма-Ата, 1971.